

---

---

Ю. В. ОЛЕЙНИКОВ

## COVID-19 КАК ЗЕРКАЛО ОБЩЕСТВА ПОСТМОДЕРНА

*С началом пандемии COVID-19 современное общество постмодерна переживает период чрезвычайно сложных испытаний, затрагивающих все стороны его социального бытия. В такое время особенно рельефно, порой чувственно-зримо, проявляются не только основные противоречия и движущие силы его эволюции, но и сущность его социально-экономической организации. В статье на примере некоторых фундаментальных сторон жизнедеятельности общества постмодерна анализируются его ответы на вызовы новой коронавирусной инфекции, которые мало отличаются от алгоритмов реакции на хорошо известные экономические кризисы перепроизводства. Это наводит на мысль, что естественный природный процесс мировой эпидемии может быть использован в качестве предлога для переключения недовольства граждан сущностными – социально-экономическими особенностями развития общества постмодерна на сугубо природные – пандемию коронавируса.*

**Ключевые слова:** COVID-19, общество, постмодерн, капитализм, противоречие, диалектика, кризис, эволюция, производство, идеология.

### Введение

Издавна считается, что для человека жить во время глубоких социальных перемен – большое несчастье. С этой мудростью не поспоришь. Для подавляющего большинства обывателей, несомненно, коренные изменения в жизни общества – тяжелое испытание. Совсем по-другому относятся к социальным катаклизмам и качественным изменениям бытия общества обществоведы и социальные философы. Для них это подарок судьбы, лучшее время для постижения многих явлений и процессов бытия человека, общества и человечества в целом, которые трудно или вовсе невозможно заметить и понять в периоды спокойной исторической эволюции. Современное человечество как раз переживает период коренной трансформации господствующего на планете технологического и обще-

ственно-экономического способа производства и в целом способа бытия общества – капиталистической цивилизации и культуры. Не зря настоящий этап социально-исторической эволюции называют постмодерном или посткапитализмом.

Действительно, капитализм как общественный способ производства эпохи модерна, существующий на базе системы механических машин, после достижения им своей высшей (классической) формы развития – комплексного автоматизированного производства – исчерпал технологические возможности дальнейшего роста на этой материальной основе. Общество вступило в фазу развития и применения качественно новых производительных сил – нанотехнологий, объектов и процессов наноуровня, используемых в качестве новых орудий труда, вместо преобразованных по форме предметов макроуровня, являвшихся орудиями механических машин (Олейников, Борзова 2008: 153–180). Переход на новый технологический способ производства происходит стремительно, в формах научно-технической революции (НТР). Революция в производительных силах закономерно влечет необходимость коренного изменения производственных отношений и, следовательно, всего общественного способа производства и бытия общества в целом. Пока этот процесс находится в стадии становления. Мы являемся свидетелями глубокой трансформации общества: отмирания классического капитализма и зарождения принципиально новой социальной формы бытия общества. Это уже не капитализм в его классической форме, но еще и не принципиально новое общество. Это переходное время от капитализма к новой форме бытия. Капитализм еще сохраняет свои существенные черты, но в его недрах рождается новый способ производства. Наше время – пограничье исторических эпох (Олейников 2019: 26–41).

Исследование проблемы становления качественно нового способа бытия общества является одной из самых актуальных проблем социальной философии и многих иных общественных наук. Настоящий момент особенно благоприятен для таких исследований, поскольку он совпал еще и с пандемией новой коронавирусной инфекции COVID-19, распространение которой практически по всем странам мира сопровождается обострением многих ключевых противоречий общества постмодерна. В этом смысле страсти, разыг-

равшиеся вокруг пандемии, вызванной COVID-19, как в зеркале, беспристрастно отразили реалии бытия общества постмодерна. Это позволяет чувственно-зримо воспринимать и объективно оценивать сущность и содержание происходящих перемен современного этапа естественно-исторического процесса.

### **О методологии исследования**

Работая над книгой «Анти-Дюринг...», Ф. Энгельс писал о том, что даже «великие мыслители <...> не могли выйти из рамок, которые им ставила их собственная эпоха» (Энгельс 1961: 17). Пожалуй, наиболее ярко это наблюдение подтверждает опыт К. Маркса. В 1858 г., размышляя о проблемах развития капиталистического способа производства, Маркс на основе анализа диалектики развития материальных производительных сил пришел к выводу, что с совершенствованием орудий труда и ростом автоматизации технологических процессов рабочий будет все больше вытесняться из процесса непосредственного производства. Человек станет его контролером и регулировщиком. Машины возьмут на себя многие функции рабочих различных профессий. Существенно изменится феномен разделения труда. Сократится численность рабочих, занятых в индустриальном производстве. Промышленный пролетариат и рабочий класс в целом перестанут быть массовыми (Маркс 1973: 351–583). Отсюда следует заключить, что в силу этого изменится социальная и историческая роль пролетариата. Он перестанет быть движущей силой исторического процесса. В ходе подобных размышлений Маркс, по-видимому, засомневался в правоте своей социально-философской концепции, связывающей становление новой, идущей на смену капитализму общественной формации с революционной миссией пролетариата. Напомним, что этот класс характеризовался как соответствующий собственно капиталистическому способу производства, адекватным технико-технологическим базисом которого является система механических машин.

В свое время Маркс мог прийти к таким выводам только на основе теоретического анализа тенденций развития производительных сил. В реальности новые производительные силы практически еще не нашли своего материального воплощения. Это было гениальное прозрение, основывавшееся на аналогии того, что аграрная

революция – переход от ручных орудий к использованию производительной силы земли и естественных процессов вегетации растений и жизнедеятельности животных – представляла собой коренное изменение производительных сил, смену технологического способа производства, обуславливавших становление соответствующей социальной организации бытия общества.

Фактически революционная смена способов производства всегда была сопряжена с периодической сменой орудий труда, в качестве которых используются либо преобразованные по форме предметы природы, либо природные процессы. Вот и теперь Маркс понял, что дальнейший рост производительности капитализма на основе механической системы машин подходит к исчерпанию своего потенциала и дальнейший рост производства будет связан с использованием природных процессов в производстве, а следовательно, будущее развитие общества сопряжено с коренным изменением материально-технической базы грядущего общества и упразднением промышленного пролетариата как класса. Далее этих размышлений Маркс не мог пойти ввиду отсутствия реальных подтверждений его теоретических построений. Маркс не мог строить гипотезы, не опирающиеся на факты. Поэтому он фактически свернул свою многолетнюю работу над «Капиталом» и исследования в области социальной теории. Причиной этого стал ограниченный на тот момент опыт развития самого капитализма. И в этом конкретном случае оправдалась общезначимая сентенция Г. В. Ф. Гегеля: «...глупо думать, что отдельный индивидуум может перепрыгнуть через свою эпоху» (Гегель 1974: 16).

Мы живем в качественно новое время. Сейчас гениально предсказанное Марксом коренное изменение производительных сил налицо, нет нужды его доказывать. На смену индустриальному капитализму пришел посткапитализм. Его характерные черты: одновременное сосуществование архаических производительных сил – ручных орудий туда; механической машинной техники; современных нанотехнологий; природных процессов аграрного производства, то есть сопряжение нескольких технологических укладов, а следовательно, и сложное переплетение разнообразных принципов и систем хозяйствования. Этот причудливый коктейль технологических и хозяйственных укладов порождает массу всевозмож-

ных противоречий постиндустриального общества, которые в условиях пандемии наглядно демонстрируют то, что капитализм в процессе своего исторического развития себя изживает и на смену ему идет некое новое общество, отдельные черты которого настойчиво пробивают себе дорогу.

Понять, что реально происходит с обществом постмодерна, только на основе имеющихся эмпирических наблюдений довольно сложно. Таких противоречивых свидетельств бесконечное множество. Их анализ затрудняется ограниченным опытом каждого отдельного человека, узостью специализированных исследований, отсутствием адекватной методологии познания – скептическим отношением многих интеллектуалов к диалектическому методу исследования социальных проблем. Как справедливо замечает В. Д. Пихорович, позитивизм, отстаивающий формально-логический метод познания как единственно верный, «порождает постмодерн» (Пихорович 2021а: 35) с его приверженностью к эмпирическому познанию явлений, вне их системной связи с другими явлениями и процессами бытия общества. О том же говорит и Й. Терборн. По его мнению, именно диалектическое осмысление современности является квинт-эссенцией марксизма. Он полагает, что в «Капитале» была представлена «диалектическая концепция современности, понимаемой в качестве противоречивой в самой своей основе. Современность капитализма и буржуазии восхвалялась, но одновременно критиковалась за эксплуатацию и отчуждение... Это диалектическое понимание современности было в некотором смысле ядром марксистской мысли. Оно признавало прогрессивную природу капитализма, буржуазии, в то же самое время не только осуждая их, но также организуя им сопротивление» (Терборн 2021: 174). В противоположность ряду заявлений постмодернистов о том, что «марксизм мертв» или безнадежно устарел, Терборн справедливо утверждает, что, напротив, марксизм только еще «вызревает» (Там же: 26–27) и эпоха постмодерна, как будет показано ниже, дает тому наглядное подтверждение.

При анализе постмодерна как пограничья исторических эпох необходимо иметь в виду еще один важный методологический момент. Постмодернистский анализ современности ничего не может дать в силу того, что он в принципе не может предложить разум-

ную концепцию современного состояния общества и сформулировать перспективы его трансформации. Нельзя же таковой считать периодически всплывающую идеологически ангажированную концепцию «конца истории». Поскольку постмодернистская наука и философия сосредоточены главным образом на описании эмпирического материала, без стремления к его теоретическому социально-историческому осмыслению, то такое непосредственное восприятие реальности без попытки его концептуально-теоретического осмысления не дает исследователю возможности увидеть суть происходящего. То есть отсутствие идеи поступательной эволюции социального бытия не позволяет различать факты в потоке событий. Словом, «философствование *без системы* не может иметь в себе ничего научного; помимо того что такое философствование само по себе выражает скорее субъективное умонастроение, оно еще и случайно по своему содержанию» (Гегель 1974: 100).

Действительно, те, кто застал перестройку в СССР в зрелом возрасте, помнят, что современники, будучи ее непосредственными свидетелями, понимали ее как некий стихийный, сумбурный, бессистемный, никем не контролируемый процесс «шараханий» из одной крайности в другую, хотя и под привлекательным лозунгом «Больше социализма!». На деле все произошло прямо противоположным образом. Советский Союз был уничтожен, экономика, армия, медицина, образование, социальная сфера, сфера досуга и общения, коммунальное хозяйство и другие жизненно важные сферы бытия общества разрушены, культура деградировала, человек лишился завоеванных прежде прав и средств к существованию. Сейчас, по прошествии нескольких десятилетий, многие из тех, кто проявлял активизм на площадях, искренне ратуя за лучшее будущее, начинают прозревать. На собственном опыте и примере множества имевших место цветных революций люди приходят к мнению, что они оказались объектами преднамеренных манипуляций, преследовавших четко сформулированные цели и планомерно реализуемые задачи – использовать противоречия общества постмодерна для создания препятствий его развитию.

СССР являлся по существу обществом, переходным от капитализма к подлинному социализму. В нем сохранялись характерные особенности бытия капиталистической формации: материально-

технический базис – механическое машинное производство; товарно-денежные отношения; разделение труда; преобладание в социальной структуре общества промышленных рабочих; руководящая роль и господствующая идеология партии индустриализма (Олейников 2018). Развитие СССР было обусловлено притяжением двух прямо противоположных аттракторов: полномасштабной реставрации капитализма и становления социализма. В результате целенаправленных действий внешних агентов и представителей определенных слоев населения, ориентированных на максимально широкое распространение товарно-денежных отношений, более простым оказалось достижение регрессивного аттрактора. Получилось то, что Советский Союз развалился, а его бывшие республики вернулись на стезю архаичного капитализма. Люди, незнакомые с теоретическими принципами диалектического развития социума, становятся способными увидеть реальную диалектику перестройки в оптике современного развития общества. То есть, даже не будучи оснащенными принципами диалектической методологии изучения современности, они в широком контексте прожитых лет видят завершенный, ставший реальностью, по существу, собственно диалектический процесс естественно-исторической трансформации общества того времени.

Еще одним подтверждением способности непредвзятого исследователя понять и отразить диалектическую сущность исторического процесса, реальные движущие силы развития общества и его коренных трансформаций является книга Алексиса де Токвиля «Старый порядок и революция». В этой работе, написанной спустя 50 с лишним лет после Великой французской революции, автор демонстрирует внутренние диалектические противоречия развития Франции и процессы их разрешения, апофеозом которых оказался революционный политический переворот, который, однако, не стал завершением становления собственно капитализма в стране. Причем эта авторская демонстрация данной исторической коллизии реализована де Токвилем без предварительной установки на диалектическую трактовку процессов вызревания революционных буржуазных преобразований феодального общества, но лишь на основе исследования реальных процессов в социуме того времени (Токвиль 2019: 25–240). Напомним, что переходный период от фе-

одализма к капитализму во Франции продолжался еще довольно долго и представлял собой своеобразное пограничье исторических эпох.

### **Основные противоречия общества постмодерна**

Несколько слов о предыстории постмодерна. К концу 1930-х гг. капитализм в наиболее развитых странах Европы, США и Японии достиг пика своего технико-технологического развития, что выразилось в массовой автоматизации и конвейеризации (фордизм) материального производства на основе использования системы механических машин и соответствующего способа организации производства (тейлоризм). Все это обусловило рост производительности труда, масштабов и интенсивности производства, а затем и опасность ускорения частоты кризисов перепроизводства, чреватых обострением социальных противоречий и конфликтов. Некоторые страны пытались избежать надвигающихся угроз путем жесткого администрирования (США, Великобритания) или тотального регулирования производства и жизнедеятельности людей (Германия, Италия, СССР). В конечном счете выход из ситуации был найден в очередной мировой войне.

Переключение финансовых потоков на милитаризацию производства повысило занятость населения, его материальные доходы, что поначалу стимулировало рост капиталовложений в производство и активизацию экономики, смягчение социальной напряженности, что необходимо было для роста капиталистической прибыли. Начавшаяся война способствовала росту производства вооружений, отвлечению трудящихся масс от внутригосударственного социального противостояния. Послевоенный период был также благоприятен для судеб капитализма в целом, поскольку понесенные большинством участников войны материальные потери и разрушения производственных мощностей и коммунального хозяйства требовали наращивания производства и консолидацию масс на преодоление последствий войны.

США, ставшие лидером капиталистического мира, использовали ситуацию в интересах собственного процветания. Словом, война и послевоенное восстановление экономики оказались весьма благоприятными для сохранения и продления эволюции капитализма

на пике этапа автоматизированной системы механического машинного производства. Тот же эффект достигался начавшейся после горячей войны войной холодной, связанной с беспрецедентной гонкой вооружений и соревнованием в освоении космоса. Колоссальный стимул развития производства был сопряжен с послевоенным разделом мира и усилиями на обустройство стран-сателлитов, ставших растущим рынком для лидеров капиталистического мира. Еще одним, безусловно, важным фактором обеспечения стабильности капиталистического мира стало навязанное США ослабленным войной странам Бреттон-Вудское соглашение 1944 г., согласно которому мировой валютой был признан американский доллар, не обеспеченный золотым эквивалентом. Эта «резаная бумага» стала обращаться в качестве средства платежа и накопления на мировом рынке, что сделало все страны мира фактически зависимыми от Америки и на какое-то время оказалось залогом относительной стабильности мировой капиталистической системы.

Военное противостояние стимулировало развитие науки и ее применение в производстве. Уже во время войны стали использоваться некоторые принципиально новые технологии, отличные от традиционных механических машинных (ядерные процессы, радиолокационные системы, электроламповые вычислительные машины и др.). В начале второй половины XX в. заговорили о начавшейся научно-технической революции. Процесс развертывания НТР – смены материальных средств производства, подстегиваемый жестокой конкуренцией на внутренних и мировом рынках, осуществлялся на Западе и в Японии стремительно.

В СССР же негативное отношение к локомотивам НТР – кибернетике и генетике – и ориентация во время хрущевской семилетки на создание традиционных индустриальных заводов-гигантов со временем обусловили технико-технологическое отставание СССР и всего так называемого социалистического лагеря от стран – лидеров НТР. Это в конечном счете и определило поражение в историческом соревновании с капитализмом и крах социалистической модели эволюции общества постмодерна. СССР распался, развалился социалистический лагерь, и опекаемые им страны вернулись на траекторию капиталистической эволюции. Страны-гегемоны капиталистической мир-системы, получив новые колос-

сальные рынки сбыта для своих производственных мощностей, стали их быстро наращивать, переводя многие предприятия в так называемые развивающиеся страны с дешевой рабочей силой. Этому способствовали также беспрецедентное разрушение производственных мощностей и в целом экономики бывшего СССР и разграбление его природных ресурсов (миграция квалифицированной рабочей силы и снижение рождаемости). Началась глобализация мирового капитализма. Он на время получил новый импульс к наращиванию производства, улучшению условий существования своих граждан и дальнейшему процветанию «золотого миллиарда». Это в целом на несколько десятилетий продлило безбедное и бескризисное существование капиталистической модели постиндустриального общества – общества постмодерна.

Ситуация стала кардинально меняться в самом конце XX – начале нового XXI в. Характерная для капитализма борьба за рынки сбыта, ресурсы и дешевую рабочую силу породила череду локальных войн: в Афганистане, Ираке, Иране, Ливии, Ливане, Сирии, Югославии и других странах, в которые были втянуты представители ряда стран – членов НАТО и других государств мира.

Мир стали сотрясать ставшие серийными цветные революции (Сербия, Тунис, Алжир, Грузия, Египет, Украина, Беларусь, Киргизия, Армения и пр.). Нарастает массовая миграция населения из неблагополучных стран в более богатые; растут также разногласия и напряженность во взаимоотношениях стран – членов Евросоюза; существенно возросли масштабы террористической деятельности и протестной активности в Европе; перманентными стали массовые социальные волнения во Франции, национальных и социальных меньшинств в Америке и Европе. Десятилетиями не затухают вооруженные конфликты в Африке. Все острее становятся торговые и таможенные войны экономических гигантов – США и Китая. Ведется война компроматов, санкционных угроз и действий, хакерских атак и прочих провокаций. Силой уничтожаются режимы, дающие пример иной ориентации развития общества, отличной от желаемой для стран-гегемонов. К примеру, коллективными усилиями коалиции европейских стран был уничтожен режим М. Каддафи в Ливии, где доходы от добычи и использования природных ископаемых перераспределялись среди граждан для существенного

повышения уровня их благосостояния, на образование и медицинское обслуживание населения, поддержку стариков, молодых людей и семей с детьми и пр.

Словом, современное постиндустриальное общество вступило в полосу всеобщей мировой гибридной войны. Войны, сочетающей всевозможные средства завоевания преимуществ определенными конкретными государствами и объединениями для обеспечения своей технологической, политической, культурной, а в конечном счете экономической гегемонии. Несмотря на отсутствие формального идеологического противостояния в мировой системе капиталистических государств (за исключением, пожалуй, Северной Кореи), на что прежде списывали причины милитаризации и враждебности государств разной социальной ориентации, посткапитализм верен традиционным сущностным принципам бытия капиталистической общественно-экономической формации. В их основе – эксплуатация других для получения экономических выгод и сохранения собственной социальной формы бытия.

Особенно быстро противоречия бытия общества постмодерна стали нарастать в связи с завершением послевоенного восстановления экономик многих стран, достаточно высоким уровнем насыщения рынков предметами массового спроса и снижением перспектив получения сверхприбылей за счет вкладывания средств в развитие реально производящей экономики. Открытые Бреттон-Вудским соглашением возможности получения доходов в сфере виртуальных финансовых операций в свое время существенно изменили функционирование экономик постиндустриальных обществ. Спекуляции с ценными бумагами стали причиной перманентной нестабильности финансовой системы капитализма. Стали нарастать частота и глубина финансовых потрясений всей капиталистической системы хозяйства. Сначала случился банковский ипотечный кризис в США, повлекший за собой мировой финансовый кризис, который стали маскировать более нейтральным термином «рецессия». Затем ряд стран столкнулись с банкротством своих финансовых систем. Многие авторитетные аналитики предсказывали в начале третьего десятилетия настоящего века новую, более глубокую рецессию, обусловленную ростом государственного долга США и их неспособностью погасить долларové средства,

накопившиеся в госрезервах большинства государств мира. В это время весьма кстати возникла так называемая пандемия COVID-19, которая четко высветила все основные системные противоречия общества постмодерна и оказала существенное влияние на восприятие, трактовку и методы борьбы с реальной эпидемией.

### **Ковидная оптика противоречий общества постмодерна**

Если отстраниться от конспирологической версии искусственного происхождения этого нового штамма коронавирусов, которую аргументированно поддерживают многие авторитетные вирусологи, генетики и эпидемиологи (среди которых нобелевский лауреат Люк Монтанье и др.), эту эпидемию обязательно нужно было бы придумать. Поскольку даже если эпидемия возникла естественным путем, то она началась в нужное для хозяев мира время.

Один из первых непредвзятых аналитиков причин и особенностей развития коронакризиса полагает, что мировая система капитализма в начале 2020 г. стояла на старте очередной рецессии – глобального экономического кризиса (Пихорович 2021б: 36). Последний, как всегда, предварялся спадом производства, ростом безработицы, банкротством множества производственных предприятий, перераспределением собственности и капиталов, социальным напряжением и ростом недовольства капиталистической социально-экономической системой, сопровождающимся массовыми протестами и движениями против правящей верхушки и существующего социального строя в целом. Средства массовой информации постоянно настойчиво педалировали идеи катастрофизма. Все ждали каких-то экстраординарных потрясений.

11 марта 2020 г. Всемирная организация здравоохранения (львиная доля ее финансирования принадлежит частным фондам, большую часть которых составляют пожертвования фармацевтических гигантов, и это заставляет задуматься) объявила о том, что в мире началась новая страшная пандемия. Для такого заявления в то время не было достаточных оснований. На тот момент была зафиксирована лишь локальная вспышка болезни в китайском Ухане. Заболевших было всего несколько сотен человек, и летальность не превышала 2 %. Заявление ВОЗ поначалу вызвало неоднозначную реакцию. Одни отнеслись к нему со скептицизмом, другие, напротив,

стали всячески нагнетать негативную информацию, подогревая панические настроения, сравнивая новую пандемию с испанкой – эпидемией гриппа, унесшей в начале прошлого века от 10 до 50 миллионов человеческих жизней. Отношение к происходящему сразу раскололо общество на два лагеря: ковид-диссидентов и тех, кто в той или иной мере поверил в страшную угрозу.

Неоднозначное отношение к заявлениям государственных и частных СМИ – характерная черта общества постмодерна. Дело в том, что средства информации и коммуникации в капиталистическом обществе, как правило, принадлежат разным собственникам и отражают прежде всего их интересы. Эти интересы могут быть принципиально противоположными и преследовать разные цели. Основной потребитель такой информации – массовый человек, который в силу господствующей в постиндустриальном обществе системы образования и воспитания культивируется как частичный: человек определенной производственной и социальной функции, узкий специалист и потребитель предметов массового производства. Такие люди, как представляется власть имущим, нужны для сохранения существующего социального статус-кво постиндустриального общества. Это социально незрелые люди, которыми можно легко манипулировать (Олейников 2010: 401–654). Однако итог манипуляции не всегда предсказуем, поскольку в век Интернета и социальных сетей субъектами манипулирования стремятся быть представители совершенно разных социальных сил и интересов. Поэтому в постиндустриальном обществе, несмотря на то, что на многих каналах радио и телевидения, в большинстве тиражных газет фигурируют одни и те же журналисты и приглашенные эксперты, навязывающие аудитории консолидированную точку зрения на происходящее, существует множество оппозиционных им источников информации, представляющих события в ином свете. По этой причине большинство постоянно обманываемых людей практически никому не верит. Они, вслед за многими профессионалами, считают, что «все лгут» (Стивенс-Давидовиц 2018: 382) и никому нельзя доверять, особенно хозяевам жизни.

С развитием Интернета любая информация в принципе может стать достоянием всех. По этой причине она, вскрывая противоречия общества постмодерна, может представлять для него реальную

угрозу. Однако информация, являющаяся предметом купли-продажи, постоянно подвергается искажению. В результате складывается ситуация тотального неверия всем и вся. В обществе, где никто никому не доверяет, где любая информация может быть фейком, в конечном счете под вопросом оказывается всякая плодотворная рациональная деятельность. Нельзя с уверенностью принимать ни хозяйственные, ни политические решения. Любые решения, постановления даже высших государственных чиновников могут игнорироваться многими людьми или же блокироваться владельцами частных интернет-компаний. Пример Д. Трампа показал, что без Интернета сейчас даже президент супердержавы превращается в ничто. А пример президентских выборов в США продемонстрировал всем, что в обществе постмодерна демократия – блеф. В обществе постмодерна нельзя быть уверенным даже в данных науки, поскольку и она строится на ложных основаниях. Ученых покупают так же, как и всех остальных. С развитием цифровых технологий практически ничего нельзя утаить, исчезает понятие тайны, конфиденциальности персональных данных. Как предвидел К. Маркс, постиндустриальные технологии подрывают все базовые основы бытия общества постмодерна.

Сейчас, по прошествии более года с начала пандемии, все еще нет адекватного понимания места ее возникновения и природы происхождения, специфических средств и эффективных методов лечения. Словом, вопросов больше, чем непротиворечивых ответов. Проблема новой пандемии – сплошной когнитивный диссонанс. Между тем пандемия – объективная реальность. Счет заболевших идет на сотни миллионов. Сотни тысяч и миллионы людей умерли. Причины такого положения не только естественно-природные. Здесь заметную роль играют экономический и социально-политический факторы. Однако средства коммуникации, лояльные властям предрержащим, упорно стремятся переадресовать причины всего спектра катастрофических проблем современного постиндустриального общества с социальных на естественные – глобальную эпидемию коронавируса. Руководители борьбы с пандемией осуществляют противоэпидемиологические мероприятия в контексте своих стратегических социальных интересов.

Задачами борьбы с пандемией объясняются практически все принимаемые властями решения, которые обычны в период экономических кризисов. Во время кризиса перепроизводства закрытие предприятий обусловлено переизбытком произведенной продукции и невозможностью ее реализовать. Нынешние локдауны вызваны теми же причинами, но в условиях пандемии удобно объяснять их необходимость потребностью сократить контакты людей на производстве.

Связанный с локдаунами рост безработицы также можно списать на естественные причины или отделаться незначительными выплатами для тех, кто переведен на неполный рабочий день, тем более что новые технологии значительно повысили степень эксплуатации трудящихся. Так, к примеру, еще на заре НТР – в 1980-е гг. – в США норма эксплуатации в производстве полупроводников составляла 546 %. Другими словами, в течение одного часа рабочего времени работник создавал прибавочную стоимость в 22,81 доллара при собственной заработной плате в 5,02 доллара. В производстве компьютеров соотношение было соответственно: 835 %, 45,2 доллара и 5,41 доллара (Рюгемер 1988: 163, 194). Тогда эти производства только начинали зарождаться. Теперь ситуация принципиально другая. Громадная масса промышленных товаров производится с помощью новых нанотехнологий. Заработная плата увеличилась незначительно, зато степень эксплуатации возросла в десятки раз. Для крупных собственников потери от локдаунов терпимы, поскольку, как всегда, их покроеет государство из средств госбюджета, слагающегося из налогов с населения.

Несомненно, как при любом экономическом кризисе, будет масса пострадавших. В основном это те, кто живет на заработную плату, пенсии и пособия. Пострадает и бизнес, главным образом мелкий. Но зато другие обогатятся, некоторые сказочно. К примеру, по оценкам экспертов, за год пандемии число миллиардеров в фармакологической отрасли по списку «Форбс» пополнилось на 50 человек. А как обогатились те, кто производит копеечные маски и продает их миллионами по ценам, во много раз превышающим их себестоимость! Обогатились и те, кто строил новые больницы, производил оборудование для них, шил защитные костюмы, и мно-

гие другие предприниматели (среди которых, естественно, гробовщики).

Перераспределение средств и собственности – неотъемлемая особенность экономических кризисов. Из кризиса может извлечь пользу не только частник, но и государство. Под предлогом борьбы с пандемией оно может решать как текущие, так и стратегические проблемы: диверсификации производственной базы, борьбы за влияние, рынки, власть, престиж и пр. Пример тому – борьба за признание и распространение вакцины от COVID-19. Ни одна из предлагаемых ныне вакцин не прошла апробацию, установленную международным регламентом по вводу в оборот подобных медицинских препаратов. Нет достоверных данных о возможных негативных последствиях применения этих вакцин. По существу, это капиталистическая конкуренция в чистом виде, представляемая как проблема политическая или забота о здоровье людей. На самом деле прививки такими изделиями в миллиардах доз могут принести баснословные прибыли. Прибыль – главное. Ради таких барышей, конечно, пандемию следовало бы придумать. Как известно, ради большой прибыли капитал готов совершить любое преступление (Маркс 1960: 770). Эти свои качества общество постмодерна демонстрирует самым убедительным образом.

Все, кто работает «на удаленке», солидарны во мнении, что фактическая продолжительность их рабочего времени и плата за коммунальные услуги, электричество и телефон значительно возросли, поскольку затраты, связанные с обеспечением работы дома, легли на плечи самих работников. В периоды блокировки социальных карт льготных категорий граждан происходила экономия средств муниципалитетов и транспортные расходы перекладывались на тех, кто нуждался в этих услугах. Качество обучения школьников и студентов «на удаленке», безусловно, стало ниже, чем непосредственно в учебных аудиториях. Но и в этом для хозяев жизни нет ничего плохого, поскольку и без того неэлитарные учебные заведения нацелены на культивирование частичного социально инфантильного человека.

Кроме того, локдауны, самоизоляция, карантины, обсервация, «удаленка», введение режима ЧС или комендантского часа, запреты на передвижение, требования соблюдения социальной дистан-

ции разобщают людей. Препятствуют их общению, консолидации, выработке и проведению совместных действий для отстаивания своих прав и интересов в чрезвычайной ситуации. Начавшиеся в Европе и Америке задолго до эпидемии и продолжающиеся поныне массовые протестные движения подавляются самыми жестокими средствами. В ход идут дубинки, водометы, слезоточивый газ, резиновые пули, безумные штрафы за отказ носить защитные маски, соблюдать ничем не обоснованное требование перчаточного режима и пр. Причины этих протестов списываются на недовольства ковид-диссидентов, хотя в своей основе это чаще всего протесты против бытия собственно общества постмодерна. Такими мерами стражи порядка демонстрируют свою готовность любыми средствами защищать существующий строй от посягательств на его кардинальную трансформацию. Эти же цели преследует организация цветных революций и других массовых движений, направленных на свержение определенных режимов, но инспирируемых под лицемерным предлогом недовольства притеснениями, связанными с эпидемией.

Современная пандемия наглядно продемонстрировала фантастические технико-технологические возможности постиндустриального общества. Благодаря достижениям НТР общество постмодерна обладает столь эффективными средствами производства, что способно с их помощью решать самые сложные задачи обеспечения бытия социума. Буквально за день в Китае построили завод по производству большого объема медицинских масок. Технологически более сложные продукты: строительство больниц, производство медицинского оборудования и средств защиты персонала, медикаментов, тест-систем, вакцин и многого другого – осуществляются в невиданные прежде сроки и в огромном количестве. Это же демонстрируют и другие, не связанные с пандемией производства. В целом понятно, что современное человечество способно быстро наращивать производство средств производства и выпускать в достаточном объеме все необходимое для достойной жизни человека. Мешает этому существующая система социально-экономических отношений общества постмодерна. Суть такого положения в том, что всякое общество, где существует товарное производство, может себя воспроизводить только при условии наличия резервной

армии труда и дефицита предметов потребления. А как это достигается?

Для того чтобы сохранялся дефицит жизненно необходимых предметов потребления, надо часть резервов производительного труда направить на производство таких продуктов, которые являются трудоемкими, но не потребляются людьми непосредственно для обеспечения условий своей жизнедеятельности. Таковыми могут быть предметы роскоши, боевая техника, культовые, культурные и спортивные сооружения, в производстве которых участвуют большие массы людей. Такими могут быть и другие товары, которые, согласно традиции, культурным привычкам или под влиянием моды или рекламы, уничтожаются самими людьми задолго до исчерпания сроков их полноценной способности удовлетворять потребности человека. Среди подобных предметов потребления сейчас фигурируют многие гаджеты, автомобили и другая техника, одежда и прочие средства потребления, в которые производителями заложен фиксированный срок их функционирования, после исчерпания которого они приходят в негодность. После этого возникает потребность приобретения аналогичных вещей, для производства которых необходим дополнительный живой труд. Этот труд оплачивается, а полученные работником средства тратятся на новые продукты, которые требуют новых затрат живого труда.

Так обеспечивается состояние дефицита необходимых вещей, что заставляет человека вновь и вновь наниматься на работу за деньги и обеспечивать тем самым воспроизводство капиталистического общества, немислимого без товарно-денежных отношений (Болдачев 2016). Также снижению производства потребительских товаров массового спроса способствуют рост безработицы, содержание армии, органов правопорядка, чиновничьего аппарата, неполная занятость, кратковременный наем на работу, сокращенный рабочий день, увеличение времени отпусков и вообще воспроизводство массы людей, которые насовсем или временно выключены из непосредственного процесса материального производства. Этому служит переключение трудоспособного населения на непродуцирующее времяпрепровождение – спорт, туризм, различные виды хобби и пр. Отказаться от капиталистической социально-экономической системы хозяева жизни не могут, поскольку без этого

они, не владея другими социально значимыми способностями, теряют свое привилегированное положение в обществе, социальный статус и тимос – общественное признание (Фукуяма 2020: 257). Поэтому они всячески борются за сохранение существующей социальной системы. Все эти меры успешно реализуются в ходе нынешней пандемии, демонстрируя подлинное содержание и сущность общества постмодерна.

Еще задолго до нынешней пандемии появилась идея введения так называемого базового дохода, суть которой состоит якобы в том, что все граждане современного постиндустриального общества, независимо от того, работают они или нет, должны получать доход, гарантирующий им довольно приличный уровень обеспеченности средствами существования. Эксперимент выплаты безусловного базового дохода (ББД) был проведен на небольшой выборке добровольцев в Финляндии и Бельгии. Он завершился отказом его участников от такой формы обеспечения насущных потребностей людей. Однако в условиях ковидной эпидемии этот эксперимент фактически продолжается. Под предлогом эпидемии значительный контингент работников в течение долгого времени фактически удален из процесса производства, но получает часть своей прежней заработной платы. Некоторым гражданам повысили пособия по безработице, выплачивают компенсации на детей.

Этими мерами ББД данной группы людей приближен к средней пенсии, выплачиваемой пенсионерам. На самом деле такие меры направлены на нивелирование важных условий жизни значительной массы населения на довольно низком уровне, снижение стимулов к трудовой деятельности, а в конечном счете и на сглаживание протестных настроений. Пока население, фрустрированное (перепуганное ковидными страшилками) и инфантилизованное современной системой образования и, главным образом, как говорит наш президент, «вызывающим оторопь» телевидением, не очень противится принимаемым новшествам. Люди полагают, что это временное явление. Но по всему видно, что это – тенденция решения многих социальных проблем в обществе постмодерна.

В рамках политики ББД доходы больших масс населения имеют перспективу быть замороженными на весьма низком уровне. Причем подобные эксперименты стали возможны потому, что, как

и предвидел К. Маркс, сократилось индустриальное производство. Редкостью теперь являются большие предприятия с массой организованных в профсоюзы рабочих, способных коллективно отстаивать свои интересы. На место пролетариата приходят новые страты наемных работников – прекариат (Стэндинг 2014: 328) и информатиат (Шубин 2016: 165–201). Пока нет четкого разграничения этих слоев трудящихся, нет и ни одного приемлемого основания для деления таких категорий людей. Сама стратификация общества находится в становлении. Также в становлении пребывает и соответствующая понятийная система. Ясно одно – это не какой-то новый социальный класс, в смысле предложенного В. И. Лениным определения классов (Ленин 1970: 11–29). В описательной характеристике прекариат – это слой трудящихся, состоящий из людей разных профессий, имеющих различное отношение к собственности средств их труда, получающих существенно различающиеся доходы от своей деятельности. Это, как правило, работники, не имеющие постоянного места работы, часто меняющие сферу своей деятельности и место проживания. Они не состоят в профессиональных союзах и в каких-либо других массовых организациях, то есть социально, профессионально и политически не объединены.

Страта людей, которую предлагается определять как информатиат, более узкая. Это в основном работники, занятые в области использования и обслуживания ИТ-технологий. Они близки прекариату по всем другим приведенным выше характеристикам. По этой причине сложно говорить о данных группах людей как об окончательно оформившихся общностях, обладающих определенной классовой идентичностью и единством идеологических представлений. В социальном плане это довольно аморфная когорта трудящихся, которая не имеет каких-то общих устремлений, политических лидеров, представлений о будущем социальной эволюции и программы ее осуществления. Потому данные люди не способны на организованное планомерное отстаивание своих интересов и противостояние существующей форме бытия общества постмодерна.

Все эти новые социальные страты недовольство своим положением пока способны выражать лишь в стихийных массовых акциях типа протестов «желтых жилетов», «Black Lives Matter» или цветных революций, инспирируемых интересами и силами отнюдь не

самих участников подобных протестных акций. Экстремальная ситуация бытия общества постмодерна в условиях современной пандемии однозначно продемонстрировала революционную импотентность новых социальных слоев. Некоторые характерные особенности бытия потребительского общества постмодерна замечательно показал П. А. Сорокин, называя его определенной фазой упадка жизнедеятельности социума – «чувственным обществом» или «чувственной суперсистемой» (Сорокин 2006: 378–383).

Эмпирические факты можно приводить бесконечно, ибо реальность неисчерпаема. Остановимся еще только на одной чрезвычайно важной для будущего общества постмодерна особенности его эволюции – методах тотального контроля жизнедеятельности людей.

Достигнутые на пике индустриального развития классического капитализма демократические социальные права и свободы людей ограничивают произвол государства и капитала. Более того, при определенных обстоятельствах они могут способствовать направлению эволюции общества постмодерна на путь, нежелательный для хозяев жизни.

Чтобы гарантировать реализацию идеи «конца истории» и «устойчивого развития» – сохранение существующего миропорядка, власть предрешающая должна найти средства, способные обеспечить социальную лояльность людей и полный контроль над их поведением. Объявленная пандемия, страхи, раздутые вокруг нее, повсеместно, в глобальном масштабе стали удобным поводом нарушения правовых и даже конституционных норм. Эти нарушения, ставшие массовыми и обыденными, осуществляются под предлогом чрезвычайных обстоятельств. Апробация многих технологий управления людьми, которые, за исключением стран с авторитарными режимами, трудно или вовсе невозможно было осуществить в так называемых обществах развитой демократии, сегодня успешно распространяется. За прошедшее время широкую апробацию прошли технологии: практически полной идентификации человека с помощью мобильных средств связи; контроля местонахождения граждан и траектории их передвижений; места, времени, стоимости и ассортимента приобретаемых товаров и услуг, включая сведения

о всех финансовых операциях и данные о состоянии здоровья человека и его контактов с другими людьми.

Банк подобных *Big Data* открывает колоссальные возможности для контроля за поведением и манипуляции людьми. Введение QR-кодов, безусловно, весьма удобных для обеспечения многих социально важных сторон жизнедеятельности людей, по сути, в первую очередь становится дополнительным средством контроля и управления людьми с помощью цифровых технологий. Реализация введения в ряде стран ковид-паспортов даст дополнительный рычаг для осуществления социальной дискриминации людей, ограничения их прав и свобод под предлогом борьбы с пандемией.

Бытие общества постмодерна в экстремальных условиях пандемии наглядно демонстрирует его социальную сущность и свидетельствует о наличии объективных – технико-технологических – условий и незрелости субъективного фактора его кардинальной трансформации.

### *Литература*

**Болдачев, А.** 2016. Финита ля история – политико-культурно-экономическая сингулярность как абсолютный кризис цивилизации. В: Фрумкин, К. (сост.), *Сингулярность. Образы «постчеловечества»*. М.: Алгоритм. С. 7–40.

**Гегель, Г. В. Ф.** 1974. Наука логики. В: *Энциклопедия философских наук*. Т. 1. *Наука логики*. М.: Мысль. 452 с.

**Ленин, В. И.** 1970. Великий почин. В: Ленин, В. И., *Полн. собр. соч.* Т. 39. 5-е изд. М.: Изд-во полит. лит-ры. С. 1–29.

**Маркс, К.**

1960. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1. В: Маркс, К., Энгельс, Ф., *Соч.* Т. 23. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры. С. 4–900.

1973. Экономическая рукопись 1861–1863 годов. Гл. 3γ. Применение природных сил и науки (пар, электричество, механические и химические факторы). В: Маркс, К., Энгельс, Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 47. М.: Изд-во полит. лит-ры. С. 351–583.

**Олейников, Ю. В.**

2010. *Зрелое общество: проблема, реальность, перспективы*. М.: Перспектива. 780 с.

2018. Большое видится на расстоянии. Содержание и истоки Русской революции. *История и современность* 1–2: 5–26. <https://doi.org/10.30884/iis/2018.01.01>.

2019. Постмодерн – пограничье эпох. *Философские науки* 2(62): 26–41. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2019-62-2-26-41>.

**Олейников, Ю. В., Борзова, Т. В.** 2008. *Экологическое взаимодействие общества с природой (философский анализ)*. М.: Изд-во РГСУ. 224 с.

**Пихорович, В. Д.**

2021а. *Читая Ильенкова: Идеи и взгляды теоретика, совершившего переворот в философии, политэкономии, педагогике, психологии и перекрывшего для современников Спинозу, Гегеля, Маркса и Ленина*. М.: Едиториал УРСС. 224 с.

2021б. *Логика «коронакризиса»: Мировая экономическая катастрофа начала XXI века. Марксистский анализ*. М.: ЛЕНАНД. 200 с.

**Рюгемер, В.** 1988. *Новая техника – старое общество: Кремниевая долина*. М.: Наука. 196 с.

**Сорокин, П. А.** 2006. *Социальная и культурная динамика*. М.: Астрель. 1176 с.

**Стэндинг, Г.** 2014. *Прекариат: Новый опасный класс*. М.: Ад Маргинем Пресс. 328 с.

**Стивенс-Давидовиц, С.** 2018. *Все лгут. Поисквики, Big Data и Интернет знают о вас все*. М.: Эксмо. 384 с.

**Терборн, Й.** 2021. *От марксизма к постмарксизму?* М.: Изд. дом ВШЭ. 256 с.

**Токвиль, А. де.** 2019. *Старый порядок и революция*. М.; Челябинск: Социум. 372 с.

**Фукуяма, Ф.** 2020. Слабость сильных государств. В: Пайпс, Р., Тойнби, А., Фукуяма, Ф., *Россия – тысяча лет одиночества*: сб. М.: Родина. С. 101–285.

**Шубин, А.** 2016. Путь информалиата. В: Фрумкин, К. (сост.), *Сингулярность. Образы «постчеловечества»*. М.: Алгоритм. С. 165–201.

**Энгельс, Ф.** 1961. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. В: Маркс, К., Энгельс, Ф., *Соч.* 2-изд. Т. 20. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры. С. 1–338.